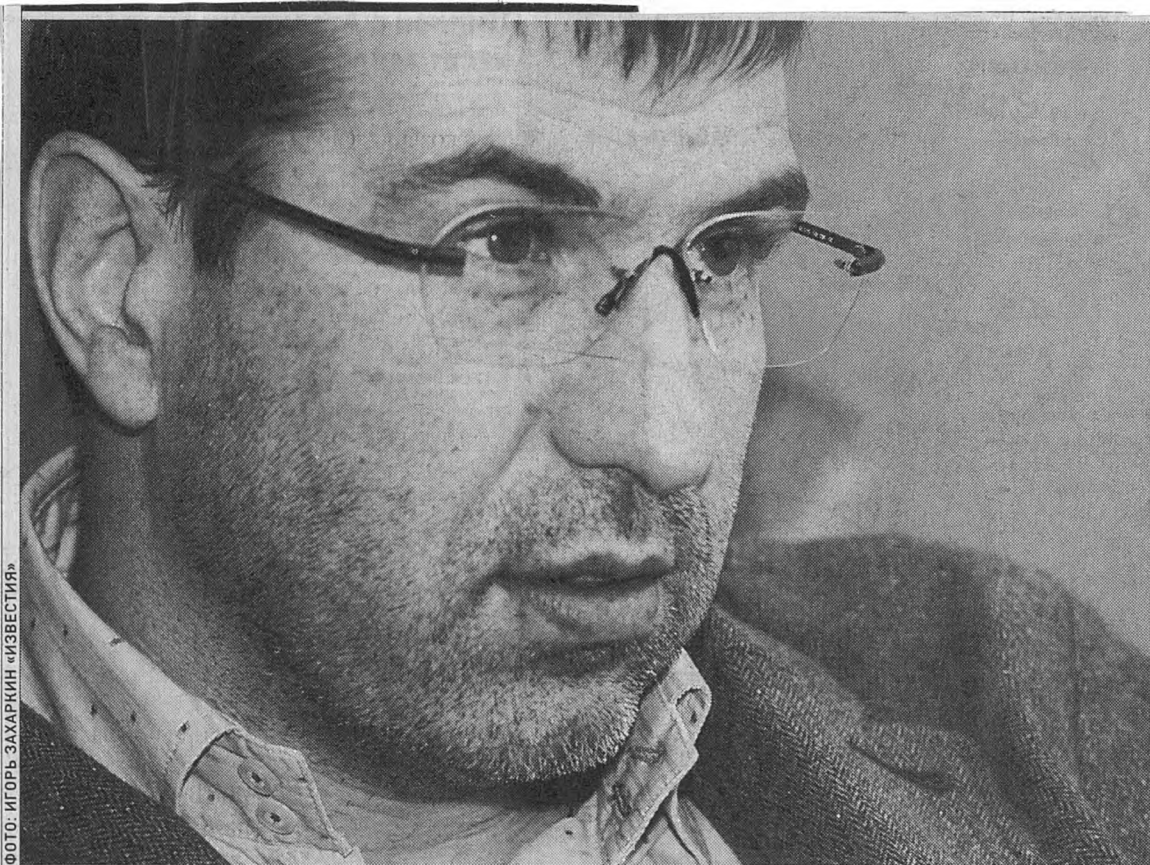

Драматург, писатель **ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ:**

«Альтернативным я не был никогда»

01→

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

ИЗВЕСТИЯ: Когда вы сочиняете пьесу, вы ее сразу записываете?

ГРИШКОВЕЦ: Все пьесы-монологи сначала были сыграны и спустя только год записаны, а три пьесы — «Город», «Зима» и «Записки русского путешественника» — были написаны сразу на бумагу, но часть диалогов из «Зимы» и «Записок» были мною опробованы еще в театре «Ложа» в Кемерово. Пишу я очень быстро, начисто и почти не правлю.

ИЗВЕСТИЯ: От исполнения к исполнению вы меняете текст пьесы?

ГРИШКОВЕЦ: Каждый раз, когда я играю спектакль, у меня есть возможность постоянно изменять редакцию, делать текст более точным, а текст, который записан в книге, — это один из спектаклей. Поэтому от канонического текста на сцене не зву-

чит ничего. Я собираюсь следующим летом сделать не просто новую редакцию монологов «Как я съел собаку» и «Одно-временно», а просто сесть и записать это заново. Так, как эти спектакли звучат сейчас.

ИЗВЕСТИЯ: Вы не боитесь, что печатный текст может проигрывать по сравнению с вашим исполнением?

ГРИШКОВЕЦ: Есть довольно много людей в городах, к которым я не доеду и не сыграю спектаклей. У них есть только опубликованный текст и их представление о нем. Причем оно может быть таким чудесным, как я сыграть не смогу. Потому что, читая, человек представляет себе свою историю. Здесь есть большая возможность для фантазий, чем при прослушивании радиоспектакля. Мы сделали все:

аудио-книги, DVD, книги. Все в целом, если кому-то это нужно, может составить разновекторное впечатление, в котором может собраться нечто адекватное театральному впечатлению. Спектакль «Как я съел собаку» я практически уже не играю, а через какой-то год вообще его играть не буду. Я поиграю на сцене еще, может быть, лет пять, а потом вообще перестану. Надо же как-то это зафиксировать. Есть люди, которых радует этот текст, и у них нет другой возможности с ним познакомиться. Это не увековечивание. Есть разные носители, а книга — это такой культурный кирпич, который с давних времен существует.

ИЗВЕСТИЯ: Роман «Рубашка» — тоже культурный кирпич?

ГРИШКОВЕЦ: Нет, «Рубашка» — это полифоническое произведение. Там другое художественное время. Для меня оно очень важно. С ним я ощутил свободу от театра и стал еще сильнее любить и понимать театр, поскольку появилась возможность выхода оттуда. Меня стал меньше волновать театральный контекст — условно говоря, то, чем и как живут коллеги и что по этому поводу пишут критики.

ИЗВЕСТИЯ: Вы считаете этот опыт удачным? Будете дальше продолжать писать прозу?

ГРИШКОВЕЦ: Да, я считаю, что роман удался современным, просто сегодняшним. И он таким может побыть еще лет пять — не больше (*усмехается*). Мне нравилось, как издавалась эта книга, рисовались иллюстрации. Выясняется, что за полгода книгу купили — а следовательно прочли — гораздо больше людей, чем за 4 года очень плотной театральной деятельности меня посмотрело зрителей. Например, я лечу в самолете, а впереди сидит человек, читает книгу, постоянно толкает своего соседа и зачитывает ему какие-то куски из нее. Я не выдерживаю, подхожу и говорю, что это я написал (*смеется*).

ИЗВЕСТИЯ: Когда выходит переиздание, как правило, следует ждать новинку. Это так?

ГРИШКОВЕЦ: Нет, я очень мало пишу и стараюсь делать это качественно. Ближайшие планы — это сборник рассказов. Я написал первый рассказ и есть планы для трех других. Я думаю написать их зимой, а к концу лета сделать небольшой — восемь или девять рассказов — сборник. Замыслов для нового романа у меня нет, и когда он будет, не представляю себе, но очень хочу, потому что это счастье — писать крупное произведение. Это такое удовольствие!